

НЕ КОПИРОВАТЬ
ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

Н. Е. ШИЛЬДЕРА

СЪ 450 ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1898

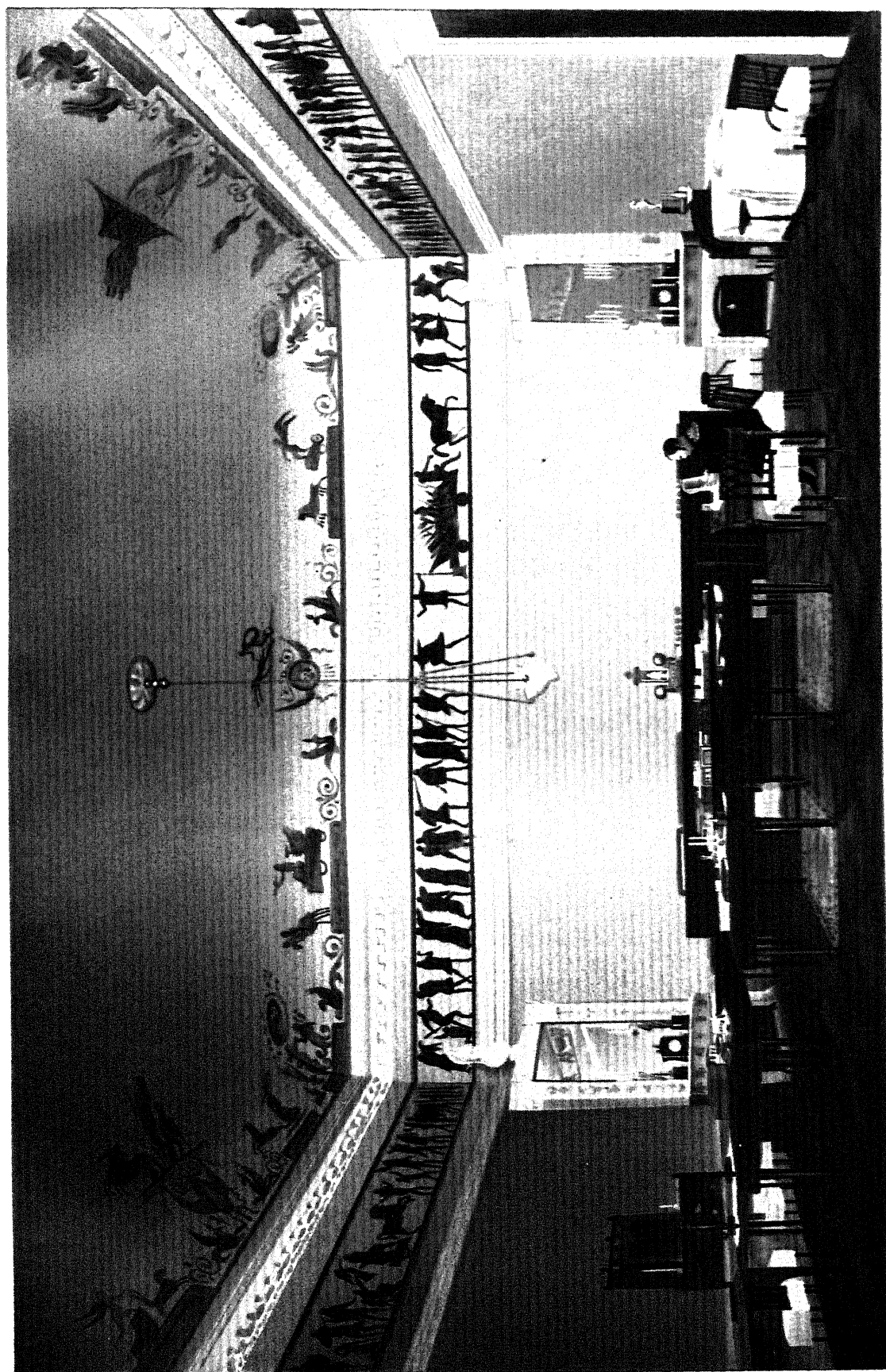
35065-95

Рисунки дозволени цензурою 1 апрѣля 1898 г. С.-Петербургъ

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 13

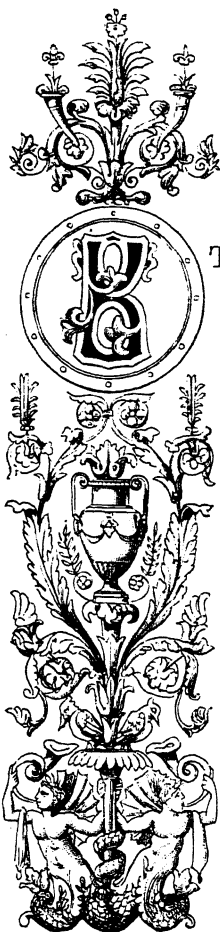

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ СВОЕМЪ КАБИНЕТѢ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ

Съ картины А. Васильева, воспроизведенъ въ журнале «Вѣстникъ Европы»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ч. IV.

ВЪ САМЫЙ день новаго 1816 года появился манифестъ, содержаніе котораго должно было навести друзей Александра на тяжелыя размышленія; въ немъ ясно выразились политическія воззрѣнія, при которыхъ началось послѣднее десятилѣтіе царствованія Благословеннаго. Манифестъ изъяслялъ высокомонаршую признательность воинству и народу за оказанные въ продолженіе войны съ французами подвиги, но къ этому прилѣплено было длинное, витіеватое сочиненіе съ весьма своеобразною оцѣнкою событій, совершившихся современіи французской революціи по 1816 годъ. Въ особенности поражаетъ рѣзкость выраженій относительно Франціи. Парижъ, по словамъ манифеста, является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной. Наполеонъ названъ простолюдиномъ, чужеземнымъ хищникомъ, преступникомъ, присвоившимъ себѣ «Богу токмо одному свойственное право единовластнаго надъ всѣми владычества» и возмечтавшимъ «на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, стать

ГЛАВА ПЕРВАЯ

въ видѣ Божества на гробѣ вселенной». Затѣмъ манифестъ продолжаетъ: «Судъ человѣческій не могъ толпкому преступнику паречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанеть онъ на страшномъ судѣ, всемірною кровью обліянный, передъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе».— Въ заключеніе, по поводу водворенія всеобщаго мира и подвиговъ, совершенныхъ россиянами, было сказано: «самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нанимъ руками дать слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна передъ Тѣмъ, Кто залилъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не боимся»¹.

Манифестъ этотъ произвелъ во Франціи крайне тягостное впечатлѣніе и вызвалъ среди народа полное разочарованіе въ монархіи, котораго онъ привыкъ считать самымъ великодушнымъ изъ своихъ враговъ. Лагарпъ сильно огорчился этимъ событіемъ и написалъ Александру письмо, въ которомъ признавался, что бываютъ минуты, когда онъ не сомнѣвается болѣе въ томъ, что существуетъ заговоръ противъ славы, приобрѣтенной государемъ въ 1814 году².

Послѣ потрясеній, продолжавшихся двадцать пять лѣтъ, въ политической жизни европейскихъ государствъ наступило полное затишье. Европа дѣйствительно нуждалась прежде всего въ отдыхѣ и покоѣ, и на первый разъ самое спокойствіе представляло собою какъ бы улучшеніе сравнительно съ прежнимъ тревожнымъ состояніемъ. Съ этого времени акты Вѣнскаго конгресса явились охранительными грамотами европейскаго если не благополучія, то, по крайней мѣрѣ, спокойствія, въ которомъ чувствовалась всеобщая потребность. Происходили частныя взрывы, но европейская война была надолго отклонена, и миръ не былъ нарушенъ.

Императоръ Александръ, благодаря мужеству и настойчивости, выказаннымъ имъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, сдѣлался основателемъ того порядка вещей, которому на многіе годы подчинилась Европа. Весьма естественно, что у него явилось стремленіе оберегать и поддерживать постановленія, которымъ онъ даровалъ законную и обязательную силу, хотя бы нерѣдко они не совпадали съ государственными интересами Россіи; ему могло казаться, что онъ не останется вѣренъ себѣ, даже не сохранить послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, если откажется отъ созданной цѣною тяжкихъ трудовъ политической системы. У каждого